

ПСИХОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 1. С. 56–61. ISSN 2073-1426

Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2023, T. 29, vol. 1, pp. 56–61.

ISSN 2073-1426

Научная статья

УДК 159.9:316.6

<https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-1-56-61>

«ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИЮТ» КАК СТРАТЕГИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К РАБОТЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

Длужневская Людмила Александровна, кандидат психологических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, konovalova_ludm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5038-2543>

Длужневский Илья Геннадьевич, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, dlughnevsky@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5732-4124>

Аннотация. В данной статье предпринята попытка теоретического анализа понятия «эмоциональный приют», введенного Р.Д. Столору. Исследованы клинический и теоретический контексты формирования данного понятия, обусловленные оригинальной теорией психической травмы, сформулированной в рамках интерсубъективного психоанализа. На основании данного исследования было раскрыто содержание понятия «эмоциональный приют», осуществлен феноменологический анализ различного вида психических травм, по отношению к которым Р.Д. Столору предлагает применять указанную стратегию. Также проведено сопоставление между двумя различными ситуациями: с использованием рассматриваемой стратегии по отношению к человеку, испытывающему болезненный аффект, а также по отношению к человеку, пережившему психическую травму. Констатируется, что это различие выявляет два разных вида эмоционального приюта, один из которых имеет место в человеческих отношениях в повседневной жизни, а второй преимущественно относится к ситуации психологического консультирования. Также в статье предложена интерпретация данных разновидностей психоаналитических стратегий в терминах интерсубъективной теории поля, призванная подчеркнуть важность указанной дистинкции.

Ключевые слова: интерсубъективный психоанализ, психотерапевтическая стратегия, болезненный аффект, психическая травма, самость, эмоциональный приют.

Для цитирования: Длужневская Л.А., Длужневский И.Г. «Эмоциональный приют» как стратегия интерсубъективно-психоаналитического подхода к работе с последствиями психической травмы // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 1. С. 56–61. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-1-56-61>

Research Article

“RELATIONAL HOME” AS A STRATEGY FOR AN INTERSUBJECTIVE PSYCHOANALYTIC APPROACH TO WORKING WITH THE CONSEQUENCES OF PSYCHIC TRAUMA

Lyudmila A. Dluzhnevskaya, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, konovalova_ludm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5038-2543>

Ilya G. Dluzhnevsky, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, dlughnevsky@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5732-4124>

Abstract. This article attempts to theoretically analyse the concept of “relational home”, introduced by Robert D. Stolorow. The clinical and theoretical contexts of the formation of this concept, due to the original theory of mental trauma, formulated within the framework of intersubjective psychoanalysis, are studied. Based on this study, an analysis of this concept was made. In the course of this study, the content of this concept was revealed. A phenomenological analysis of various types of mental trauma was carried out, in relation to which Robert D. Stolorow proposes to apply this strategy. And also a comparison was made between two different situations: using the considered strategy in relation to a person experiencing a painful affect, as well as in relation to a person who has experienced a mental trauma. It has been pointed out that this difference reveals

two different types of emotional shelter, one of which takes place in human relationships in everyday life, and the second, mainly refers to the situation of psychological counseling. The article also proposed an interpretation of these varieties of psychoanalytic strategies in terms of intersubjective field theory, designed to emphasise the importance of this distinction.

Keywords: intersubjective psychoanalysis, psychotherapeutic strategy, painful affect, psychic trauma, self, relational home.

For citation: Dluzhnevskaya L.A., Dluzhnevsky I.G. "Relational home" as a strategy for an intersubjective psychoanalytic approach to working with the consequences of psychic trauma. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2023, T. 29, vol. 1, pp. 56–61. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-1-56-61>

Термин «эмоциональный приют», или «приют отношений» (relational home), был введен одним из основателей психоаналитической теории intersубъективных систем Р.Д. Столорой в его книге «Травма и человеческое существование» [Stolorow 2007: 9–12]. В узком смысле данный термин означает психотерапевтическую стратегию при работе с последствиями психической травмы. В более широком – выходит за рамки психоаналитической практики и относится к особому типу отношений, возможно как в психоаналитическом кабинете, так и в обычной жизни. Сам Столорой определяет данную стратегию как «предоставление клиенту отношений, главной особенностью которых является наличие глубокого эмоционального понимания – отношений, ставших возможными благодаря нашей общей экзистенциальной уязвимости» [Столорой: 12]. Подобное определение сложно назвать исчерпывающим. Поскольку в своих работах Столорой скорее описал данную стратегию, нежели концептуализировал ее и дал ей теоретическое обоснование, мы предприняли попытку ее теоретического осмысления, оставаясь в рамках intersубъективного психоанализа.

В данной статье мы ставили в качестве своих задач:

- описать клинично-теоретический контекст, который привел к необходимости формирования данной стратегии;
- раскрыть концептуальное содержание данного термина, как он описан Столорой в вышеуказанной работе;
- артикулировать определенные различия, которые присутствуют в концепции Столорой в скрытом виде, но не обозначены им эксплицитно, а также дать этим различиям интерпретацию в терминах теории intersубъективного поля.

Рассматриваемый нами термин вводится в контексте разработки теории травмы в рамках intersубъективного психоанализа. Введение новой психотерапевтической стратегии обусловлено оригинальным пониманием травмы, для работы с которой, по мнению Столорой, не подходит традиционный психоаналитический инструментарий [Столорой: 26–37].

Травма рассматривается автором в двух аспектах: с одной стороны, это травма развития, с другой – травма, полученная вследствие переживания так называемых «пограничных состояний», имеющих

экзистенциальный характер, то есть связанных с экстремальными ситуациями насилия, смертью близких людей или угрозой собственной жизни [Длужневская, Длужневский: 70].

Травма развития рассматривается как результат постоянного или интенсивного неприятия воспитателями определенных эмоциональных переживаний ребенка. Следствием этого неприятия становится диссоциация данных переживаний от структуры самости¹, их неинтегрированность в сознательный опыт, а также отсутствие артикуляции и символизации. Таким образом, по нашему мнению, в рамках intersубъективного подхода феноменология травмы развития концептуализируется как **сужение горизонты переживаний**. В результате травматических событий кристаллизуются жесткие организующие психические структуры, создающие идеальный образ самости, очищенный от болезненных и угрожающих аффектов (или даже от аффектов вообще). Данные аффекты тем самым элиминируются из сознательного опыта и диссоциируются от переживания самости. Вышеописанные организующие структуры с трудом поддаются рефлексии и не корректируются последующим опытом, скорее, они его регулируют. Получая свое подтверждение в intersубъективном контексте, напоминающем травматический, они приводят к повторной травматизации. Так, например, в ситуации, когда психолог-консультант занимает нейтральную позицию, не демонстрируя готовности к эмоциональному отклику на переживания клиента с травмой развития, последний, в соответствии со своим прошлым опытом, интерпретирует поведение психоаналитика как отвергающее [Столорой: 26–37].

Экзистенциальная травма описывается в феноменологических терминах как разрушение «очевидностей повседневной жизни», связанных с социально поддерживаемой имплицитной уверенностью в стабильности и устойчивости бытия, в рамках которой элиминированы такие негативные аспекты человеческого существования, как, например, смерть – своя или значимого другого [Столорой: 38–45]. Травматические события вырывают человека из этой повседневной успокоенности, открывая ему те стороны человеческого бытия, которые остаются непризнанными – или признанными лишь формально – в конвенциональной картине мира. Но поскольку данная успокоенность также имеет intersубъективный ха-

ракти (в том смысле, что разделяется почти всеми членами общества), то новый экзистенциальный опыт формирует чувство одиночества и отчужденности. Иначе говоря, мы можем сказать, что феноменология экзистенциальной травмы заключается в расширении горизонта переживаний за границы intersубъективной социальной нормы [Длужневская, Длужневский: 71]. Также отметим, что применительно к экзистенциальной травме психотерапевтические подходы, рассматривающие в качестве своей цели более или менее комфортную социальную адаптацию, будут, безусловно, ошибочны, поскольку в их рамках предполагается возвращение клиента в состояние «невинности». Иными словами, адаптационный подход предполагает сужение горизонта переживаний вновь до уровня нормальной повседневности. Эта стратегия предлагает успокоение по поводу экзистенциальной тревоги, которая, таким образом, не удерживается в психике и не проживается. Однако, согласно анализу Столору, экзистенциальная травма расширяет горизонт переживаний, а не сужает его. Задачей психолога-консультанта является интеграция травматических переживаний в структуру самости [Столору, Брандшафт, Атвуд: 141–149].

Вышеуказанное подтверждается тем, что для более полного понимания эмоциональной травмы, имеющей экзистенциальный характер, Столору в своей работе «Мир, аффективность, травма» обращается к экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера. Столору анализирует описание подлинного существования, приведенного Хайдеггером в его книге «Бытие и время», и приходит к выводу, что оно совпадает с состоянием экзистенциальной травмы во всем, за исключением одного момента: в случае подлинного существования разрушение очевидностей повседневной жизни достигается за счет того, что Хайдеггер называл «решительным предвосхищением смерти», в то время как в случае экзистенциальной травмы человек как бы «вброшен» в это состояние помимо своей воли. Иными словами, подлинное существование является результатом осознанного выбора, тогда как экзистенциальная травма имеет контекстуальный характер [Stolorow 2011: 53–62].

На первый взгляд, сложно найти что-то общее между этими двумя видами травм, за исключением разве что изменения горизонта переживаний. И действительно, если рассматривать их с точки зрения интрапсихических процессов, они структурно различаются. Однако, приняв intersубъективную перспективу, можно обнаружить одно общее основание. Оно заключается в том, что в обоих случаях отсутствуют отношения, в которых переживания, лежащие в основе травмы, могли бы быть приняты и прожиты². Невозможность создать intersубъективный контекст, в рамках которого подобные отношения могли

бы сформироваться, в случае травмы развития вызвана неприятием данных переживаний родителями, а также непониманием смысла травматизированных аффектов окружением человека в дальнейшей жизни. Кроме того, в данном случае собственные аффекты начинают восприниматься в качестве крайне нежелательных и угрожающих другим людям. В случае экзистенциальной травмы та же невозможность связана с невключенностью травматических переживаний (так же, как и переживаний, являющихся следствием данной травмы) в горизонт переживаний большинства окружающих людей и, как следствие, невозможностью прочувствования этими людьми субъективного смысла данных переживаний. Это позволяет откорректировать изначальное представление о травме. События, приводящие к изменению горизонта переживаний, являются лишь одной ее стороной. Другой является отсутствие отношений, в рамках которых эти переживания могли бы быть удержаны и прожиты. Тем самым *травма рассматривается как имеющая intersубъективный характер* [Stolorow, Atwood: 71–85].

Подобная концептуализация травмы ставит психолога-консультанта перед выбором подходящего инструментария. Принятые в психоанализе стратегии могут оказаться не вполне пригодными, а то и вовсе травмогенными. Как уже отмечалось выше, традиционная для психоанализа позиция технической нейтральности, в свою очередь, создает угрозу повторной травматизации (особенно в случае травмы развития), так как отвечает негативным ожиданиям клиента относительно неприятия его «порочных» аффектов другими. А адаптационный подход может не оказать никакого эффекта, поскольку экзистенциальная травма вскрывает ограниченность социально принятых представлений, возврат к которым становится невозможным. Данные обстоятельства приводят к необходимости использования других консультативных стратегий, нетрадиционных для психоанализа. Поскольку ведущим фактором травматизации является отсутствие «эмоционального приюта», то наиболее терапевтичным со стороны психоаналитика будет предоставление клиенту именно такого рода отношений [Столору: 26–37].

Выше мы вкратце обрисовали клинический и теоретический контексты, в которых сформировалось такое понятие, как «эмоциональный приют». Теперь постараемся раскрыть содержание этого термина как с теоретической, так и с технической точек зрения.

Данное понятие вводится Столору в книге «Травма и человеческое существование» [Столору: 30]. Автор не дает точного определения данному термину, однако его смысл достаточно ясен из контекста. Под эмоциональным приютом по отношению к трав-

матическим переживаниям понимается такой intersубъективный контекст, в котором данные переживания могут быть поняты, приняты и, как следствие, удержаны, прожиты и артикулированы. Вышеперечисленные процессы ведут к интеграции болезненного переживания в структуру самости³. Основной акцент делается на артикуляции, поскольку именно неспособность к символизации рассматривается как барьер вытеснения. Неартикулированные аффекты, не нашедшие эмоционального приюта, могут зачастую переходить в соматическую форму, создавать стабильное эмоциональное состояние и иметь иные последствия. Нужно отметить, что сам Столору не проводит различия между ситуациями, когда эмоциональный приют предоставляется только что возникшим болезненным аффектам, с одной стороны, и болезненным аффектам, которые уже привели к эмоциональной травме (например, перешли в соматическую форму), с другой. Предоставление эмоционального приюта достигается психологом-консультантом за счет сонастроенного эмпатического присутствия. Кроме того, он может обеспечиваться близкими людьми в повседневной жизни.

В своей следующей работе «Мир, аффективность, травма» Столору, как уже говорилось выше, развивает свою концепцию эмоциональной травмы за счет привлечения экзистенциальной аналитики Хайдеггера. В соответствии с этим автор развивает также и концепцию эмоционального приюта. Если экзистенциальная травма отличается от состояния «подлинного существования» лишь отсутствием «предвосхищающей решительности», то эмоциональный приют как раз и является тем условием, которое позволяет клиенту осуществить переход от первого состояния во второе. Понимающее присутствие позволяет удержать, артикулировать и интегрировать в структуру самости не только травматогенный аффект, оно позволяет удержать раскрывшуюся перед клиентом вследствие крушения «очевидностей повседневной жизни» картину мира, в которой смерть присутствует как постоянная возможность. Таким образом, осознание приводит к возможности решительного принятия и, как следствие, к переходу от травмированного состояния к состоянию подлинного существования [Stolorow 2011: 35–53].

Как говорилось выше, в рамках данного направления травма рассматривается как имеющая intersубъективный характер. Болезненные переживания и трагические события, традиционно представляемые как основная причина травмы, в действительности не играют основной роли. Как пишет Столору, «боль – это не патология» [Столору: 31]. Подлинно травматогенным фактором является отсутствие intersубъективного контекста, позволяющего удержать, прожить и интегрировать данные переживания

в структуру самости. В связи с этим кажется целесообразным разграничить две разновидности рассматриваемого нами феномена.

Эмоциональный приют по отношению к болезненному аффекту включает в себя готовность принять и адекватно отразить этот аффект ребенку, его переживающему. Аффект в момент своего появления еще не артикулирован, но в то же время и не диссоциирован от структуры самости. Для его артикуляции нет никаких интрапсихических препятствий, требуется лишь intersубъективный контекст, в котором ему была бы дана возможность выражения. Используя пространственную метафору, можно сказать, что человек, обеспечивающий эмоциональный приют, должен *предоставить пространство для проявления и выражения переживаний* [Коновалова 2006b: 73–74]. Сонастроенное присутствие взрослого и его готовность принять болезненные переживания ребенка являются достаточным условием для артикуляции аффекта и его включения в переживание самости. Тип отношений, необходимый для интеграции подобного рода переживаний, мы предлагаем обозначать как *эмоциональный приют первого рода*. Как указывает Столору, он представляет собой необходимую часть любых близких отношений, в особенности детско-родительских, и не является прерогативой психотерапевтического процесса [Столору: 56–61].

Предоставление эмоционального приюта по отношению к психической травме является более сложной задачей. Intersубъективный смысл эмоциональной травмы заключается в невключенности болезненного аффекта в какой-либо intersубъективный контекст или, иными словами, в отсутствии эмоционального приюта первого рода. Отсутствие отражения болезненных аффектов приводит к изменению горизонта переживаний, следствием чего оказывается неспособность к символизации травмирующих эмоциональных переживаний. В данном случае одно лишь принятие является условием хоть и необходимым, но очевидно недостаточным. При наличии эмоциональной травмы болезненные аффекты уже диссоциированы от структуры самости и способ их проживания паттернизирован в досимволической – зачастую соматической – форме. Иначе говоря, он не может быть ни выражен, ни артикулирован. Задачей психолога-консультанта в данном случае является не просто готовность понять и принять данный аффект. Благодаря сонастроенному пониманию он должен помочь клиенту этот аффект артикулировать. Таким образом, психолог-консультант должен *войти в пространство клиента* [Коновалова 2006a: 12–13]. Очевидно, что данная интервенция должна происходить при наличии сонастроенного понимания и контролироваться получением обратной связи от клиента. Данный тип отношений мы предлага-

ем назвать *эмоциональным приютом второго рода*. Он, конечно, возможен в рамках любых эмоционально близких отношений, но по большей части предоставление эмоционального приюта второго рода происходит в диаде консультант – клиент [Коновалова 2009: 139].

Нужно отметить, что в большинстве случаев нет необходимости разделять две разновидности эмоционального приюта, поскольку ключевой момент в обоих случаях заключается в глубоком эмоциональном понимании. Поэтому можно говорить просто об эмоциональном приюте. Необходимость в разделении возникает лишь там, где нужно подчеркнуть, идет ли речь о работе с аффектом или с травмой.

Резюмируя вышесказанное, констатируем, что при работе с травмой эмоциональный приют представляет собой единство двух аспектов. С одной стороны, аналитик благодаря сонастроенному присутствию проникает в переживания клиента и постигает их субъективный смысл. С другой – он озвучивает те переживания, которые в результате травматизации оказались отщепленными от переживания самости и паттернизировались в неартикулированной форме. Подобное озвучивание в свою очередь также является для клиента не просто когнитивным источником сведений о собственных эмоциях, но, что особенно важно, – свидетельством наличия понимающего присутствия, глубинного проникновения аналитиком в его переживания и служит подтверждением эмоциональной настроенности аналитика на него, то есть имеет, прежде всего, интересубъективное значение.

Кроме того, как уже говорилось выше, Столору провёл аналогию между состоянием экзистенциальной травмы и подлинной формой существования у Хайдеггера. Различие между этими состояниями заключается в отсутствии подлинного «решительно-предвосхищения смерти». Предоставление интересубъективного контекста эмоционального понимания помогает человеку осознать, символизировать и интегрировать раскрывшиеся в связи с травмой переживания. Подобная интеграция данных переживаний в структуре самости устраняет разницу в описанных состояниях. В предыдущем разделе мы писали, что в случае экзистенциальной травмы возвращение в предыдущее состояние «невинности» невозможно. В действительности, согласно Столору, предоставление эмоционального приюта трансформирует состояние, вызванное экзистенциальной травмой, в подлинную форму существования, как она была описана Хайдеггером.

При работе с экзистенциальной травмой сложность задачи, стоящей перед аналитиком, усугубляется еще и тем, что для помощи в символизации болезненных переживаний аналитику данные переживания должны быть знакомы. Поскольку, как говорилось

выше, данные переживания выходят за пределы социальной нормы, это обстоятельство предъявляет повышенные требования к чувствительности психоаналитика. Готовность озвучить клиенту подобного рода переживания требует способности аналитика обнаружить свои собственные переживания подобного рода, связанные с крушением «очевидностей повседневной жизни», которые должны быть им прожиты, осознаны и интегрированы.

Примечания

¹ Сам Р.Д. Столору с определенного момента перестал пользоваться словосочетанием «структура самости», которое, по его мнению, овеществляет чувство собственного «Я». В соответствии с феноменологической ориентацией, он предпочитает говорить о «переживании самости». Но, поскольку переживание самости обладает определенной устойчивостью (которую, конечно, не стоит переоценивать), мы продолжаем пользоваться данным выражением, предполагая под ним не столько некоторое фиксированное психическое образование, сколько определенный паттерн психического переживания (в данном случае – чувства собственного «Я»).

² Строго говоря, по мнению Р.Д. Столору, причиной травмы являются вовсе не травматичные переживания, а отсутствие «эмоционального приюта», поскольку именно невозможность артикулировать и разделить болезненные переживания с другим как раз и делает их травматогенными. Подобная интерпретация вписывается в его общую стратегию представления всех психических феноменов как имеющих интересубъективную природу. Однако нельзя не признать, что такое понимание равноценно утверждению, что причиной тяжелого заболевания является отсутствие своевременной медицинской помощи.

³ Нужно отметить, что, согласно способу выражения Р.Д. Столору, объектом эмоционального приюта являются сами болезненные переживания, но не человек, их испытывающий. То есть везде говорится, что эмоциональный приют предоставляется аффекту и ни разу не встречается выражения, что он предоставляется человеку. Можно предположить, что такой способ выражаться является не просто стилистической особенностью, но говорит о том, что данные аффекты не интегрированы в структуру самости.

Список литературы

Длужневская Л.А., Длужневский И.Г. Стратегии работы с экзистенциальной травмой // Ярославский психологический вестник. 2017. № 2 (38). С. 69–72.

Коновалова (Длужневская) Л.А. Перцептивные механизмы затрудненного взаимодействия в психологическом консультировании: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2006. 25 с.

Коновалова (Длужневская) Л.А. Проективная составляющая взаимодействия психолога-консультанта и клиента // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 4 (49). С. 72–78.

Коновалова (Длужневская) Л.А. Конфликтологический аспект затрудненного взаимодействия в диаде «консультант – клиент» // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3. С. 138–142.

Стolorou P. Травма и человеческое существование: автобиографические, психоаналитические и философские размышления / пер. с англ. Л.А. Длужневской, И.Г. Длужневский. Москва: Когито-Центр, 2016. 120 с.

Стolorou P., Брандшафт Б., Атвуд Дж. Клинический психоанализ. Intersубъективный подход. Москва: Когито-Центр, 1999. 252 с.

Stolorow R.D. Trauma and Human Existence: Autobiographical, Psychoanalytic, and Philosophical Reflections. New York, Routledge, 2007, 76 p.

Stolorow R.D. World, Affectivity, Trauma. Heidegger and post-cartesian psychoanalysis. New York, Routledge, 2011, 136 p.

Stolorow R.D., Atwood G.E. The Power of phenomenology. Psychoanalytic and philosophical perspectives. New York, Routledge, 2019, 153 p.

References

Dluzhnevskaya L.A., Dluzhnevsky I.G. *Strategii raboty s ekzistentsyalnoy travmoy* [Strategies for dealing with existential trauma]. *Yaroslavskiy psihologicheskij vestnik* [Yaroslavl Psychological Gazette], 2017, vol. 2 (38), pp. 69-72. (In Russ.)

Konvalova (Dluzhnevskaya) L.A. *Perceptivnye mekhanizmy zatrudnennogo vzaimodeystviya s psiko-*

logicheskoy konsultirovaniy [Perceptual mechanisms of a labored interaction in psychological consulting]. *Kostroma*, 2006, 25 p. (In Russ.)

Konvalova (Dluzhnevskaya) L.A. *Proektivnaya sostavlyayuschaya vzaimodeystviya psihologa-konsultanta i klienta* [The projective component of the interaction between a psychologist-consultant and a client]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Gazette]. Yaroslavl, 2006, vol. 4 (49), pp. 72-78. (In Russ.)

Konvalova (Dluzhnevskaya) L.A. *Konfliktologicheskij aspekt zatrudnennogo vzaimodeystviya v diade "konsultant-klient"* [Conflictological aspect of a labored interaction in a dyad "consultant-client"]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Gazette], 2009, vol. 3, pp. 138-142. (In Russ.)

Stolorow R.D. *Travma i chelovecheskoye suschestvovanie: avtobiograficheskie, psihoanaliticheskie I filosofskie razmyshleniya* [Trauma and Human Existence: Autobiographical, Psychoanalytic, and Philosophical Reflections]. Moscow, Cogito-centre Publ., 2016, 120 p. (In Russ.)

Stolorow R.D., Brandchaft B., & Atwood G.E. *Klinicheskij psihoanaliz: intersubektivniy podhod* [Psychoanalytic Treatment: An Intersubjective Approach]. Moscow, Cogito-centre Publ., 1999, 252 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.01.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2023; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 02.12.2023; approved after reviewing 15.01.2023; accepted for publication 15.01.2023.